

Б.Н. Порфирьев

НОВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИКИ – ВЫЗОВЫ И РИСКИ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ В МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ

Статья представляет собой расширенный текст выступления автора на 47-й сессии ежегодного российско-французского семинара SEMI-EHESS – ИИП РАН по проблемам экономического развития Европы и России (Париж, 23-25 июня 2014). Рассматриваются основные тенденции современного развития мировой энергетики как фактор рисков и возможностей интеграции российской экономики в мирохозяйственную систему. Даются оценка и прогноз перспектив развития российской экономики и ее интеграции в мирохозяйственную систему в контексте тенденций развития глобальной энергетики.

Факторы и тенденции современного развития мировой энергетики. В последние десятилетия развитие мировой энергетики определяют четыре группы обстоятельств.

Во-первых, обусловленные ресурсно-геологическими факторами закат эры дешевых углеводородов и необходимость перехода к более дорогим и более «высокотехнологичным» и «наукоемким» нефти и газу. Это характерно и для самой России. Согласно новому (июнь 2014 г.) прогнозу Международного энергетического агентства (МЭА), при реализации сценария так называемой новой энергетической политики (который учитывает особенности энергобаланса на начало 2014 г. и принятые, но пока не исполненные государствами обязательства в сфере развития энергетики) совокупные инвестиции России в указанную сферу (не считая капиталовложений в энергоэффективность) в период 2014-2035 гг. должны достигать более 2,5 трлн. долл. (цены 2012 г.). В среднегодовом выражении это составляет 100 млрд. долл. (или 4% ВВП), что в полтора раза превышает объем инвестиций на эти цели в период 2000-2013 гг., которые оценивались в 80 млрд. долл. [1, р. 29, 34, 172].

Во-вторых, обусловленные политико-экономическими и научно-технологическими факторами ускорение темпов экономического роста и увеличение доли развивающихся стран и стран с переходной экономикой в глобальном ВВП, способствующие существенному повышению мирового спроса на энергоносители.

В-третьих, обусловленное политико-экономическими и политическими, в том числе геостратегическими, факторами (включая кризис на Украине), стремление основных субъектов мирового хозяйства к снижению рисков, связанных с импортом энергоносителей, и укреплению энергетической безопасности, включая развитие собственной ресурсной базы.

В-четвертых, обусловленные природно-техногенными факторами (естественной изменчивостью и ростом промышленных выбросов парниковых газов, в первую очередь энергетическими установками) негативные социально-экономические последствия климатических изменений.

Перечисленные обстоятельства стимулировали новые тенденции развития глобальной энергетики, связанные с качественным возрастанием роли трех факторов: (1) энергоэффективности; (2) нетрадиционных источников энергии (возобновляемых и экологически чистых источников, сланцевого газа и др.) и связанной с ними распределенной генерацией электроэнергии; (3) так называемыми интеллектуальными сетями распределения (передачи) электроэнергии

(smart grids). Под воздействием перечисленных факторов происходит мощный сдвиг, суть которого – отход от нынешней энергосистемы, базирующейся на эксплуатации ресурсов 100 крупнейших мировых месторождений ископаемого топлива, больших (гигаваттных) мощностях и крупномасштабных технологиях производства энергии из этого источника и преимущественно централизованных способах передачи электроэнергии, и контролируемой транснациональными и национальными монополиями. Сменяющая ее система, сохраняя «каркасные» элементы прежней, включает миллионы мелких и средних производителей энергии, обеспечивающих ее локальную и распределенную генерацию небольшой (киловатты или мегаватты) единичной мощности на основе возобновляемых источников энергии и компактных и «умных» технологий [2]. Указанные изменения оцениваются экспертами как переход к новой энергетической парадигме, или альтернативной стратегии мировой энергетики.

Этот переход – поистине тектонический по своим долгосрочным последствиям для развития мировой энергетики и мировой экономики сдвиг, который влечет за собой серьезные вызовы для экономики России, означающие как возможности, так и риски для ее модернизации и перспектив интеграции в качественно обновляемую мирохозяйственную систему. Речь идет об условиях интеграции и месте России в этой системе, в первую очередь, о ее роли как «мирового энергетического гаранта». Сохранит ли и в каком виде Россия функцию ведущего мирового поставщика углеводородов, удержит ли имеющиеся и завоеует ли новые ниши на мировом рынке за пределами энергосырьевого сектора.

Вызовы и риски для российской экономики и ее интеграции в мирохозяйственную систему в контексте тенденций развития глобальной энергетики. Можно выделить три масштабных вызова. Первый из них связан с последствиями так называемой сланцевой революции в США и их стремлением к экспансии на европейские энергетические рынки.

Что касается последствий «сланцевой революции» в США, где производится крупнейшая в мире добыча не только газа низкопроницаемых коллекторов в осадочных породах (сланцевого газа), но и других видов нетрадиционного газа (плотных пород и угольного метана), и нетрадиционной нефти, в рассматриваемом контексте особого внимания заслуживает оценка перспектив экспорта американского газа в Европу и связанных с этим рисков для России.

Представляется, что указанные риски с точки зрения сохранения Россией роли важнейшего поставщика газа в Европу в обозримой перспективе невелики. Прежде всего, имеются ресурсные ограничения экспорта. По оптимистичному прогнозу специалистов Агентства энергетической информации США (апрель 2014 г.), вывоз сжиженного природного газа (СПГ) за пределы Североамериканского континента в период до 2020 г. не превысит 60 млрд. м³ в год, в период 2021-2040 гг. – 98 млрд. м³. Долгосрочный прогноз (2014-2040 гг.) большинства других экспертов существенно скромнее – порядка 60-70 млрд. куб. м [3]. При этом, учитывая низкую цену газа на внутреннем рынке США (130,55 долл. за 1 тыс. куб. м в 2013 г.) наиболее выгодна для экспортеров продажа СПГ в страны Азиатско-Тихоокеанского региона: Японию, Южную Корею и Китай, в которых цены СПГ примерно в полтора раза превышают европейские. Например, в 2013 г. цена природного газа в Японии достигала 595 долл./тыс. м³ по сравнению с 385 и 318,5 долл./тыс. м³ в Германии и Великобритании соответственно [4]. Поэтому на Европу будет приходиться меньшая часть поставок СПГ: по оценкам российских экспертов, не более 40%, или от 30 до 40 млрд. м³ [3].

Учитывая, что до сих пор (середина 2014 г.) ЕС не преуспел в диверсификации источников газоснабжения [5, с. 4], указанные объемы не вызовут значительных изменений на

европейском газовом рынке и вряд ли смогут конкурировать с поставками газа из России¹, отличающимися, кроме того, многолетней надежностью². Также следует иметь в виду, что внутренние цены на газ в США подвержены значительным колебаниям, и экспорт газа может привести к их повышению, по некоторым прогнозам, примерно в полтора раза в ближайшие 15-20 лет, тем самым ухудшая ситуацию для собственных потребителей. В связи с этим демократы в конгрессе США жестко настроены против экспорта газа и превращения США в энергетическую сверхдержаву [3; 4].

Вместе с тем не следует недооценивать три других, существенно более значимых групп риска. Одна из них включает риски среднесрочного характера, связанные, во-первых, с азиатско-тихоокеанским рынком сбыта российских углеводородов и обусловленные низкими ценами на газ в США. Как справедливо подчеркивает известный российский эксперт А. Белогорьев: «Японцы и южнокорейцы уже не готовы платить и на правительственном уровне и на уровне компаний не готовы сохранять сложившуюся десятилетиями ситуацию, когда ради надежности поставок и привлекательности своего импорта они привлекают экспортеров за счет наиболее высоких премиальных цен на рынке... Совершенно очевидно, что эти цены будут снижаться, и это имеет прямое негативное последствие для России, поскольку все российские проекты связаны с экспортом в АТР» [3, с. 41]. Этот же риск снижения рентабельности поставок газа, очевидно, следует иметь в виду и в отношении исполнения долгосрочного (до 2048 г.) контракта с Китаем, подписанного в мае 2014 г. в Шанхае.

Другая группа включает риски, связанные с нарушением гарантированного, надежного спроса со стороны ЕС (потребителя газа) и тем самым стабильности условий работы поставщика (России), которая для обеспечения указанной стабильности должна наращивать инвестиции в добычу, транспортировку газа и обслуживающую эти операции инфраструктуру, в развитие новых надежных газовых маршрутов, таких как «Северный поток». Эти риски в свою очередь обусловлены политикой США в связи с кризисом на Украине и втягиванием в ситуацию вокруг него европейских стран, в том числе в санкции против России, которые прямо или косвенно влияют на устойчивость спроса на газ. В целях поддержания и дальнейшего развития российско-европейской интеграции в области энергетики именно ЕС необходимо сделать все для сведения упомянутых рисков к минимуму³.

Третья группа – риски сужения экспортных ниш для российского газа в Европе и Китае, а в отдаленной перспективе – в Японии в связи с началом масштабного освоения газогидратов, на которые приходится почти 3/4 мировых ресурсов нетрадиционных источников газа, 97% запасов которых приходится на азиатско-тихоокеанский регион Мирового океана. Часть указанных рисков, очевидно, будет также связана с интенсификацией освоения ресурсов сланцевого газа – конкретнее, с развитием и расширением экспорта технологий и услуг в этой сфере, на которые делают ставку США как на перспек-

¹ Как подчеркнул на встрече министров энергетики G7 (Рим, 6 мая 2014 г.) министр экономики и энергетики Германии З. Габриэль: «Я не знаю никого в мире, кто мог бы рассказать нам, как Европа в краткосрочной перспективе может преодолеть свою зависимость от импорта российского газа». Министры энергетики других стран ЕС также признали, что не существует ближайших альтернатив российскому газу.

² Ряд европейских аналитиков, правда, считает иначе. Апеллируя к газовому конфликту между «Газпромом» и «Укрнафтогазом» зимой 2010 г., когда поставки российского газа украинскому соседу были приостановлены, и часть населения Восточной и Центральной Европы временно осталась без отопления, они полагают, что в 2014 г. в ситуации жесткого конфликта между ЕС и Россией из-за кризиса на Украине, «Газпром», «менее чем когда либо, считается надежным поставщиком». (См.: [5, с. 6]). Тем не менее, десятилетия устойчивых поставок «голубого топлива» из СССР, потом из России, а также извлеченные из опыта 2010 г. уроки в форме использования альтернативных маршрутов «Северный поток» и строящегося «Южного потока», и диверсификация российских поставщиков (имея в виду «Новатэк», а в будущем, вероятно, и «Роснефть»), опровергают скептическую точку зрения о надежности России как партнера.

³ Исключение газовой составляющей из третьего санкционного списка ЕС (начало августа 2014 г.) в отношении России в связи с кризисом на Украине является естественной реакцией Европы и необходимым, но явно недостаточным условием указанной минимизации рисков.

тивную нишу новой мировой энергетики. Эти риски носят долгосрочный характер и могут в полной мере проявиться, очевидно, не ранее 2040 и даже 2050 г. [3].

Второй, более серьезный вызов для России обусловлен активной и долгосрочной политикой развитых, крупнейших развивающихся и переходных экономик мира в области энергоэффективности, предполагающей значительное повышение эффективности мер в области энергосбережения и энергопроизводительности (энергоотдачи), прежде всего, благодаря инновационным технологиям производства, потребления и транспортировки энергии (в том числе, интеллектуальным сетям). Указанная политика открывает ряд возможностей (см. ниже), но порождает три ключевых риска для российской экономики и перспектив ее интеграции в обновляемую мирохозяйственную систему.

Во-первых – сокращение спроса на энергоносители в связи с повышением энергосбережения и снижения энергоемкости производства товаров и услуг. Этот риск, действительно, существует – например, уже в посткризисные годы спрос в ЕС на газ устойчиво снижался: с 560,4 млрд. м³ в 2010 г. до 503,2 млрд. м³ в 2013 г. [1; 5] – однако он невелик. Несмотря на важные качественные изменения в технологиях, в целом мировой спрос на энергию будет расти, прежде всего, вследствие развития крупнейших развивающихся и переходных экономик мира, и по оценке МЭА, в период 2013-2035 гг. увеличится на треть.

Во-вторых – снижение конкурентоспособности отечественной продукции в связи со снижением энергетических издержек производства в развитых и ряде развивающихся и переходных экономик – конкурентов России на мировом рынке. Этот риск намного более существенен, так как при сохранении нынешних низких темпов инноваций и модернизации отечественного производства означает сужение и/или утрату соответствующих экспортных ниш (например, минеральных удобрений, нефтепродуктов).

В-третьих – ухудшение условий торговли российской продукцией на мировых рынках в связи с принятием новых жестких международных стандартов энергоэффективности, регулирующих условия доступа товаров и услуг на мировой рынок. Этот риск также весьма значим, поскольку при сохранении существующей модели роста, означает увеличение использования импортных комплектующих в выпуске готовых изделий на экспорт (например авиадвигателей), тем самым увеличивая издержки производства и зависимость от внешних поставок.

Наконец, третий вызов для российской экономики и перспектив ее интеграции в обновляемую мирохозяйственную систему связан с политикой развитых и крупнейших развивающихся и переходных экономик мира в области возобновляемых и экологически чистых источников энергии и распределенной генерации электроэнергии. Мировые инвестиции в их развитие, прежде всего, в НИОКР в сфере ветровой и солнечной энергетики, за последние 10 лет в среднем в год увеличивались на 33-35%, тогда как темпы роста мирового ВВП не превышали 4% (в группе развитых стран – 2%). Хотя мировое лидерство в этом процессе принадлежит странам-нетто-импортерам энергоресурсов (Китаю, США, Японии, Великобритании и Германии), государства-нетто-экспортеры энергоносителей также существенно инвестируют развитие возобновляемых и экологически чистых источников энергии. Например, в 2013 г. Канада заняла четвертое место в мире по объему инвестиций в производство биоэтанола, ОАЭ – третье место по капиталовложениям и установленным мощностям по производству тепловой (концентрированной) солнечной энергии и т.д. [6, р. 9, 20]. При этом основным стимулом для развития указанных источников энергии выступают стремление этих государств повысить надежность энерго- и электроснабжения распределенных потребителей (вне крупных поселений)⁴, а так-

⁴ В последние годы в развивающихся странах (за исключением Африки) темпы роста электрификации поселений вне городов в 1,5-2 раза опережали темпы роста населения, в результате доля населения, обеспеченного электроэнергией, в 2013 г. в государствах Азии достигла 83%, Ближнего и Среднего Востока – 91%, Латинской Америки – 95% [7, р. 23].

же прессинг ужесточающихся экологических и климатических требований (стандартов выбросов вредных веществ и парниковых газов).

Представляется, что в средне- и даже долгосрочной перспективе (до 2030-2035 гг.) для России риски снижения спроса на углеводороды, связанные с мировым развитием возобновляемых и экологически чистых источников энергии и распределенной генерации электроэнергии, скорее всего, будут невелики. Согласно всем прогнозам (МЭА, Агентства энергетической информации США, корпорации «Бритиш петролеум» и др.), нефть и газ, а также уголь, которые в 2013 г. обеспечивали более 80% конечного потребления энергии в мире, останутся «краеугольным камнем» глобальной энергетики. Это означает, что Россия в целом сохранит свои позиции стратегического поставщика энергоресурсов на европейский рынок в указанный период, хотя ее доля, скорее всего, несколько сократится (с 35% до, вероятно, 25-26%). При этом возрастет ее вклад в поставки углеводородов, в первую очередь газа, на азиатский рынок. Прежде всего, в Китай, политическим руководством которого в связи с обострением экологической ситуации в последние годы принято стратегическое решение о резком сокращении доли угля и его замещении газом (в меньшей степени, возобновляемыми источниками энергии), несмотря на их относительно более высокие цены. Уже текущим пятилетним планом развития Китая предусматривается удвоить долю газа в общем объеме потребления энергии с 5 до 10% в 2018 г.⁵

В отдаленной перспективе (к 2050 г.) ситуация для России, однако, может качественно измениться. И в первую очередь – под влиянием технологических прорывов в производстве конкурентоспособных источников возобновляемой и экологически чистой энергии⁶ и интеллектуальных энергосетей; и достижения в период 2015-2020 гг. международного соглашения об обязательном снижении уровня выбросов парниковых газов странами – их основными эмитентами. При этом уже в период 2020-2050 гг. для экономики России и перспектив ее интеграции в мировое хозяйство весьма существенными могут оказаться риски, связанные с принятием новых жестких международных экологических и климатических стандартов, регулирующих условия доступа товаров и услуг на мировой рынок. Прежде всего, это коснется, очевидно, энергоемкой продукции (металлов и металлопродукции, коксующегося угля и др.), производство которой – при сохранении существующих различий в уровне технологий между Россией и ее основными конкурентами – связано со значительными выбросами вредных веществ и парниковых газов. В то же время указанный ключевой риск, обусловленный нынешним технологическим отставанием России и переходом в ближайшие 20-30 лет мировой энергетики от рынка энергоресурсов к рынку, в котором помимо продажи сырья все большую роль будет играть торговля наукоемкими технологиями и услугами, содержит одновременно и возможности для нашей страны занять определенную нишу, учитывая позитивные черты в сфере отечественного ТЭК, большой опыт, наличие квалифицированных кадров и др. [3].

Перспективы развития российской экономики и ее интеграции в мирохозяйственную систему в контексте тенденций развития глобальной энергетики. Представляется, что эффективным ответом на рассмотренные выше вызовы и риски экономики России и ее интеграции в мирохозяйственную систему, обусловленные современными тенденциями развития мировой энергетики, может стать сочетание двух вариантов, или стратегий реагирования. *Стратегия «симметрич-*

⁵ При этом стоит иметь в виду, что, по нашей оценке, доля российского газа в импорте и общем потреблении газа в Китае в 2030 г. не превысит 12 и 10% соответственно.

⁶ По данным Bloomberg New Energy Finance, только за период 2009-2013 гг. стоимость производства фотоэлектрических элементов сократилась на 56%.

ного ответа» предусматривает активные и масштабные программы действий в области освоения (развития) возобновляемых и экологически чистых источников энергии в качестве важного локального и регионального ресурсов энергии в удаленных и дефицитных (по ископаемым энергоресурсам) районах; и особенно – в сфере энергоэффективности. В реальном секторе экономики необходим переход от существующей ориентации на снижение энергоемкости ВВП, которая выдвигает на передний план задачу экономии энергии, к ориентации на увеличение энергопроизводительности (или энергоотдачи), т.е. рост выпуска продукции на единицу использованной энергии. При этом одновременно достигается сокращение уровня удельных выбросов вредных веществ и парниковых газов в окружающую среду, что при высоких темпах роста и соответствующей инвестиционной активности связано с повышением качества роста, которое определяется эффективностью использования первичных ресурсов, в том числе энергоносителей (рисунок) [7].

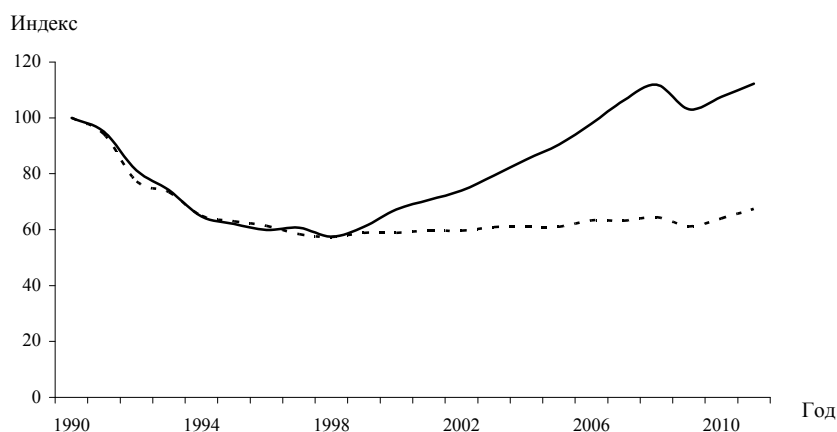

Рисунок. Динамика экономического роста ВВП (—) и выбросов парниковых газов CO₂ (----) в России

Учитывая, что увеличение энергопроизводительности является необходимым условием повышения производительности труда, изменение приоритетов в области энергоэффективности означает смещение акцентов государственной политики с экономии энергоресурсов, которые в условиях России, по крайней мере в кратко- и среднесрочной перспективе, не являются фактором ограничения роста экономики, на трудосбережение, или экономию трудовых ресурсов – несомненно, критически значимый фактор экономического роста. В сфере услуг, прежде всего ЖКХ, приоритетной остается задача энергосбережения, которая также не должна иметь самодовлеющего значения и реализовываться при условии сохранения (а в энергетически бедных районах – увеличения) энергетической комфортности населения.

Для осуществления рассматриваемой стратегии, прежде всего соответствующей технологической модернизации, необходимы масштабные инвестиции. Согласно прогнозу МЭА, при реализации сценария так называемой новой энергетической политики в России в период 2014-2035 гг. капиталовложения в повышение энергоэффективности экономики должны достигать 212 млрд. долл., что составляет 3% мировых инвестиций на эти цели. (Для сравнения: доля Японии – 6%, Китая – 20%, США и Канады – 20%, ЕС – 27%). В течение того же периода совокупные инвестиции в развитие возобновляемых и экологически чистых источников энергии должны достигать

99 млрд. долл. (что сравнимо с вложениями в развитие газовой и атомной генерации – 103 млрд. и 125 млрд. долл., соответственно) (цены 2012 г.).

В среднегодовом выражении эти инвестиции в 2014-2035 гг. должны возрасти соответственно в 4,7 и 2 раза, составив 4,7 млрд. долл. в развитие возобновляемых и экологически чистых источников энергии по сравнению с 1 млрд. долл., которые вкладывались в эту сферу в период 2000-2013 гг.; и немногим более 10 млрд. долл. по сравнению с 5 млрд. долл. – в повышение энергоэффективности экономики. Таким образом, темпы роста указанных инвестиций будут в 1,3-3,1 раза опережать динамику капиталовложений в освоение новых месторождений традиционных энергоносителей, которые в течение того же периода будут увеличиваться в среднем в 1,5 раза в год [1, р. 29, 141, 172]. Источником инвестиций должны стать средства государства и крупнейших нефтегазовых компаний, получающих для этой цели от государства гарантии и льготы для собственных вложений, а также привлеченные инвестиционные кредиты (подробнее см: [8; 9]).

Стратегия «асимметричного ответа» предусматривает активные и масштабные программы действий в трех областях. Во-первых – это активизация восточного вектора внешней энергетической политики России в целях большей сбалансированности и снижения рисков устойчивости экспорта углеводородов. Как доказывают недавние стратегические договоренности России и Китая, она уже происходит. Во-вторых, развитие переработки углеводородов с высокой добавленной стоимостью, прежде всего отечественной газо- и нефтехимии, а также перевода транспорта на газомоторное топливо. Эффект мультипликатора позволит увеличить число высокотехнологичных рабочих мест и ускорить рост ВВП. В частности, только в связи с реализацией долгосрочного газового мегапроекта с Китаем со стороны России, начиная с 2014 г., в течение 4-6 лет предполагается инвестировать около 55 млрд. долл.; построить заводы по производству гелия и продукции газохимии, новую энергетическую и дорожную инфраструктуру; создать тысячи современных высокотехнологичных рабочих мест [10]. В-третьих, ускоренная и масштабная газификация села,⁷ значительная часть которого продолжает использовать в качестве базового привозное топливо (уголь, мазут и даже дрова). Наряду с решением хозяйственных задач эти меры будут способствовать существенному улучшению социальных условий и привлекательности села, снижая социальные риски и повышая качество жизни населения.

* * *

Проблемы интеграции экономики России в мирохозяйственную систему, обусловленные современными тенденциями развития мировой энергетики в силу системного характера не могут иметь эффективного решения без изменений существующей политики социально-экономического развития в пользу новой политики экономического роста, основанного на масштабных инвестициях в модернизацию структуры, кадрового и производственно-технологического потенциала отечественной экономики (подробнее см: [11; 12]). Такая политика должна носить комплексный характер, предусматривая, в том числе, разработку и осуществление эффективных стратегий и мер реагирования на вызовы и риски экономики России, связанные с современными тенденциями развития мирового хозяйства в целом и его энергетического сектора, в особенности.

⁷ Примером может служить Чеченская Республика, в которой газифицировано практически все село, включая отдаленные поселения, в чем автор совместно с академиком В.В. Ивантером могли лично убедиться во время поездки в республику в мае 2014 г.

Литература

1. IEA. *World Energy Investment Outlook: Special Report*. Paris: OECD/IEA, 2014.
2. *EnergyWeb@2010*, www.bpa.gov
3. Белогорьев А. Нетрадиционный газ – стратегический вызов // *Эффективное антикризисное управление*. 2014. № 2.
4. Роуз К. Альтернатива альтернативе: США нашли замену сланцевому газу. <http://top.rbc.ru/economics/08/04/2014/916326.shtml>
5. Виллерсхаузен Ф. Европе нет причин опасаться за свою энергетическую безопасность: Российско-китайский контракт на поставку газа и его последствия. *Россия сегодня и завтра*. М.: Фонд им. Фридриха Эберта (филиал в России), июль 2014 г.
6. *Renewables 2014 Global Status Report: Key Findings*. Paris: REN 21, 2014.
7. Фёдоров Б.Г. Выбросы углекислого газа: углеродный баланс России // *Проблемы прогнозирования*. 2014. № 1.
8. Аганбегян А.Г. Инвестиционный кредит – главное звено преодоления спада в социально-экономическом развитии России // *Деньги и кредит*. 2014. № 5.
9. Ивантер В.В., Узяков М.Н., Ксенофонтов М.Ю., Широков А.А., Панфилов В.С., Говтвань О.Дж., Кувалин Д.Б., Порфирьев Б.Н. Новая экономическая политика – политика экономического роста // *Проблемы прогнозирования*. 2013. № 6.
10. Стенографический отчёт о пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 23 мая 2014 года. Выступление Президента России В.В. Путина. www.kremlin.ru
11. Аганбегян А.Г. О причинах замедления социально-экономического развития страны и возможностях перехода к опережающим темпам роста // *Актуальные вопросы экономической стратегии России* / Под общ. ред. И.Н. Руденского и научной. ред. академиков РАН А.Г. Аганбегяна и В.В. Ивантера. М.: Изд. Государственной Думы, 2014.
12. Ивантер В.В., Порфирьев Б.Н. Широков А.А. Возможности экономического роста в России // *ЭКО*. 2014. № 2.